

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

п 252
327

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

76

DIALOGUE WITH TIME

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
С. ПЕТЕРБУРГ
2010 г.

С.Б. КРИХ

РУССКИЕ МАРКСИСТЫ О БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ДРЕВНОСТИ¹

Дореволюционный марксизм – забытая страница предыстории советского исторического нарратива. Советские историки почти полностью игнорировали таких авторов, как Г.В. Плеханов, Н.А. Рожков, А.А. Богданов в качестве предшественников своей науки. В статье сделана попытка исследовать взгляды указанных авторов на историю древнего Ближнего Востока и сформулировать ряд обобщений, касающихся их влияния на советское историописание. Русские марксисты использовали упрощение как приём для того, чтобы показать, что одни и те же принципы материалистического анализа действуют и на примере древнейших обществ Востока, что частично смягчалось как признанием вариативности исторического развития восточных обществ, так и наличествующей конкуренцией разных вариантов этого развития. Но это сочетание было утрачено при формировании советской исторической науки в начале 1930-х гг.

Ключевые слова: русский марксизм, историософия, раннесоветская историография

Если подводить промежуточные итоги развития интеллектуальной истории нашей науки в текущем столетии, то можно обратить внимание на две неизолированных друг от друга тенденции: во-первых, произошло осознание ценности советского опыта (ценность может быть как позитивной, так и негативной, но фактическим консенсусом стало то, что сам этот опыт не может быть проигнорирован), во-вторых, в последние годы начал формироваться запрос на выяснение и прояснение используемой историками терминологии, в т.ч. через анализ её генетики, что, опять же, во многом возвращает нас к проблеме советского опыта.

При этом в происхождении советской историографии оказываются учтены далеко не все моменты, что отчасти также объясняется спецификой нашего наследия. Советская наука – не всегда сознательно – камуфлировала свои корни, сводя дело их поиска к вопросу о наличии соответствующих терминов и идей, с одной стороны, в дореволюционной историографии, а с другой – в работах «классиков» марксистской теории. В первом случае было отобрано несколько фигур «прогрессивных» историков, которых можно было, при умеренной критике, считать предтечами. Во втором случае советская наука сформировала устойчивый стереотип, согласно которому именно труды Маркса, Энгельса и Ленина заложили основы её отношения к историческому процессу. Соответственно, если первый стереотип в настоящее время в целом подвергся пересмотру, то в отношении второго сделано гораздо меньше.

Устойчивость второго стереотипа поддерживается и сакральной привязанностью даты отсчёта советской историографии к политическому 1917 г. Поскольку перипетии политической борьбы привели к тому, что из всего круга русских марксистских интеллектуалов конца XIX –

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-09-41014) «От Святой Земли до рабовладельческой формации: история Древнего Ближнего Востока в российской исторической науке XX в.»

первой трети XX в. полностью легитимным мыслителем остался только Ленин, то представления всех остальных об истории оказались в той или иной мере изъяты из предыстории советской науки. Между тем, исследование этих взглядов способно послужить одной из искомым точек отсчёта для выяснения истинных условий формирования советских исторических воззрений (другая относится к профессиональным историкам, «обратившимся» в марксизм в конце 1920-х – начале 1930-х гг.).

В статье рассмотрены взгляды на ближневосточную древность трёх марксистов, которые пользовались заметным влиянием в среде левой интеллигенции в первой трети XX в.: Г.В. Плеханова (1856–1918), Н.А. Рожкова (1856–1927), А.А. Богданова (1873–1928). Их роднит то, что они задумали и стали создавать свои главные труды задолго до революционных событий 1917 г., при этом на протяжении 1920-х гг. их работы продолжали издаваться или переиздаваться. Изучение воззрений русских марксистов именно на ближневосточную древность обусловлено, помимо понятной необходимости правомерного сужения материала², тем, что ни для одного из них она не была предметом профессионального интереса; при этом прогресс знаний об истории древнего Ближнего Востока, которым знаменовалось время творческой активности наших героев, оставил свой отпечаток на их деятельности.

Истоки и источники

Реальное воздействие гегелевской системы на марксистскую философию истории не только не исчерпывается её очевидными характеристиками – т.е. европоцентризмом, эволюционизмом и прогрессизмом, – но, можно предположить даже, что в них и не заключается, ведь в той или иной мере эти идеи были общеразделяемыми в историческом мышлении XIX в. и могли быть, в принципе, выражены многими другими философами. Поэтому укажем на более специфические характеристики гегелевской историософии: органичность фактора природно-географической среды при описании конкретных сообществ (что стало как раз проблемой для марксизма во всех его версиях), отделение Ближнего Востока как в большей мере «исторического» от практически «неисторических» Китая и Индии, строгая убеждённость во внутренних причинах любых принципиальных перемен в жизни каждого сообщества³.

Хорошо известно, что изучение Гегеля входило как в университетские курсы, так и в круг общего чтения интеллектуалов того времени; Плеханов посвятил разбору «Философии истории» ряд страниц, равно как уделил внимание книге Л.И. Мечникова (1838–1888) о цивилизациях – подчеркнув, кстати, принадлежность того к материализму⁴. В книге

² Впрочем, можно присоединиться и к тем авторам, которые осознают концентрацию современных исследований рецепции на античности и предлагают дополнить её исследованием рецепции ближневосточных цивилизаций: Verderame 2020: 1–2.

³ Гегель 2000: 122: «Народ может умереть насильственной смертью лишь в том случае, если он естественно сам по себе стал мёртвым...».

⁴ По политическим взглядам Мечников был анархист; собственно, это отражалось и в его работах по географии. McDonald 2017: 120.

Мечникова была отчётливо сформулирована тогда наиболее обоснованная фактически версия о том, что первичной цивилизацией следует пока признавать египетскую, хотя допускалась вероятность такой же характеристики для ассиро-вавилонской⁵, а вообще выделялись «четыре древнейшие великие культуры» (включая индийскую и китайскую⁶). Мечникову принадлежит и подробное обоснование роли ирригации в функционировании древнейших цивилизаций; наконец, он не упускает значения финикийской истории, относя её к началу морского этапа согласно собственной классификации мирового исторического процесса⁷.

Следует уточнить, что если Плеханов и Рожков так или иначе ссылаются на источники своей информации, то в работах Богданова избранный им и его соавтором И.И. Скворцовым-Степановым (1870–1928) стиль максимального обобщения предполагает практически полное отсутствие не только библиографии, но даже упоминаний трудов историков или исторических источников. Чтение Плехановым работ по древней истории Востока было если и не систематическим, то целенаправленным и, пожалуй, галлоцентричным; он ссылался на обобщающие труды Г. Масперо, но мог обратиться и к специальной статье Э. Куга по отношениям собственности в Халдее на основании камней кудурру, был хорошо знаком как с довольно старым сочинением о нравах и обычаях египтян Дж.Г. Вилкинсона, так и с новой для тех лет «Историей Лагидов» О. Буше-Леклерка. Рожкова отличает последовательная ориентация на базовую литературу студента-историка: Г. Масперо, учебники Б.А. Тураева и Р.Ю. Виппера, переводы книг Д. Брэстеда, А. Морэ, «История древности» Э. Мейера; в случае истории Восточного Средиземноморья он обращался и к книгам профессиональных авторов (Ю. Вельсгаузен, А. Иеремиас, И. Гольдциер и т.д.). По отдельным странам Рожков использовал считавшиеся тогда лучшими специальные исследования, например, «Историю карфагенян» О. Мельцера, работы М.В. Никольского по истории Месопотамии⁸, книгу Л. Хёзэ и Ф. Тюрро-Данжена о стеле коршунов, книгу М. Ястрова по религии, немецкое издание «Истории религий в древности» К.П. Тиле. Источники знаний Богданова, вероятно, лежали примерно в той же плоскости, но вряд ли он знакомился со специальными трудами.

Наконец, ещё один источник представлений о ближневосточной истории – текст Библии. В наибольшей мере отсылки к Библии заметны в творчестве Плеханова, отсылки эти по большей части вполне обычные:

⁵ Мечников 2013: 177, 171–172.

⁶ Поэтому нельзя полностью согласиться с мнением И.А. Ладынина, согласно которому недостаток знаний о древнейшей Индии и Китае подталкивал исследователей рубежа XIX–XX вв. к тому, чтобы относить их историю к средневековой – это могло иметь значение для историков-специалистов, но мало смущало всех остальных, включавших ранние периоды Индии и Китая в древность. Ладынин 2019: 777.

⁷ Мечников 2013: 180–181.

⁸ Рожков даже планировал посвятить отдельное исследование хозяйственной истории времени Урукагины. Рожков I: 409.

истребление египетским фараоном младенцев⁹, бегство от него евреев и их скитание в пустыне¹⁰, сон фараона о тучных и тощих коровах¹¹, «вавилонская тоска»¹², притчи Соломона¹³. Есть, впрочем, и примеры более оригинального использования «вечной книги», указывающие на хорошее знакомство автора с её текстом (в церковнославянском переводе): «Во время свидания Моисея с Иеговой на горе Синае, сварливый еврейский бог стоял, как известно, спиной к своему верному слуге, так что почтенный вождь Израиля видел только “заднюю его”. Наши сторонники “экономического” направления в этом отношении похожи на Моисея: они видят только “заднюю” нашего пролетариата»¹⁴.

Тематика работ Рожкова и Богданова предоставляла им меньше возможностей для апелляции к библейским сюжетам, а в случае с Богдановым можно предполагать и сознательную дистанцию от религиозной культуры. Несколько раз Богданов повторяет пример анализа моисеевых заповедей для иллюстрации «права теократически-патриархального мира»¹⁵, упоминает израильские примеры при анализе развития дарообмена¹⁶, но всё это на максимально общем уровне. Единственный пример активного использования библейского текста, который мне удалось обнаружить¹⁷, весьма показателен: в знаменитой «Тектологии» Богданов излагает сюжет отбора Гедеоном трёхсот воинов для битвы с мадианитянами (Суд. 6: 2–7). Если в библейской истории отбор совершается исключительно по совету Бога, то Богданов говорит о рациональных (хотя и недостаточно качественных) принципах отбора, применённых Гедеоном, производя перекодирование библейского сюжета, который в таком виде должен был служить иллюстрацией не божественной воли, а принципов прагматического подбора кадров¹⁸.

Восточный деспотизм и его аналоги: Г.В. Плеханов

Устойчивое представление о Плеханове как первом русском систематически мыслящем марксисте, чья деятельность была направлена на строго ортодоксальную разработку материалистической теории, в принципе может быть принято за точку отсчёта при рассмотрении его взглядов и на историю Востока¹⁹. Тем не менее, как всякий более или менее серьёзный автор, Плеханов и во второстепенных вопросах не может считаться только лишь толкователем Маркса и Энгельса. С одной стороны,

⁹ Плеханов 1923–1927. IV: 240.

¹⁰ Плеханов 1923–1927. III: 179; VI: 19.

¹¹ Плеханов 1923–1927. XV: 289; XVII: 261; XIX: 107.

¹² Плеханов 1923–1927. XIV: 285.

¹³ Плеханов 1923–1927. XIX: 165.

¹⁴ Плеханов 1923–1927. XII: 17.

¹⁵ Богданов 2010b: 39. Ср. Богданов 2010b: 83, Богданов 1990: 55.

¹⁶ Например: Богданов, Скворцов-Степанов 2011: 154–155.

¹⁷ Пример с тем, что в войске Саула было всего два железных меча (1 Цар. 13: 22), принадлежит, видимо, соавтору Богданова. Богданов, Скворцов-Степанов 2011: 42.

¹⁸ Богданов 1989. II: 169.

¹⁹ Из работ о Плеханове, позволяющих получить предварительное представление о его жизни и творчестве в контексте обозначенной темы: Baron 1995; Тютюкин 1997.

он вполне усвоил те высказывания немецких теоретиков, которые к тому времени были опубликованы и наиболее близко относились к делу: а именно постоянное выделение Энгельсом античности, средневековья и буржуазной эпохи как основных типов эксплуатации в истории²⁰. Но поскольку Плеханов выбрал путь обращения к достаточно широкому кругу исторического чтения и, кроме того, его главным интересом была судьба России, то взгляды на древнюю историю Востока оказались органично встроены в концепцию русской истории, наиболее полно раскрытую в его главной книге «История русской общественной мысли», а это в свою очередь потребовало более гибкого отношения к прямолинейной энгельсовой схеме общественной эволюции.

Суть обозначенной концепции сводится к тому, что, с одной стороны, история России не является абсолютно своеобразной (потому полностью подвластна марксистскому анализу), с другой – являет собой сочетание западных и восточных элементов общественного строя. Изначально русская история идёт по типичному пути восточных деспотий, основанных на создании крупных государств на «широком пространстве равнин и бассейнах больших рек»²¹; здесь Плеханов был большим сторонником географического детерминизма, чем повлиявший на него Мечников: он заявлял, что деспотический путь развития неизбежно следовал из нужд ирригации²². Деспотизм характеризуется Плехановым не столько через понятие неограниченной власти монарха, сколько через представление об абсолютном бесправии жителей его государства, исходящего из фактического отсутствия у них частной собственности: «Восточному деспоту принадлежит право по произволу распоряжаться имуществом своих подданных»²³. Такое представление развилось далеко не во всех восточных обществах. Будучи свойственным Египту, Месопотамии, Китаю, Персии, Индии, оно достигло наибольшей степени лишь в Китае и Египте²⁴; соответственно, Плеханов против стереотипа об одинаковом и абсолютном порабощении подданных в деспотиях²⁵.

Оформлению монархии восточного типа способствовала опричнина²⁶. Россия, однако, не успела войти в классическую фазу: «некоторые деспотии Востока, – древний Египет или древняя Халдея, – тоже закрепощавшие государству все народные силы, были более цивилизованы, нежели Московская Русь XVII столетия. ...Позволительно предположить, что она, в конце концов, почти сравнялась бы с древним Египтом или с древней Халдеей»²⁷. Петровская модернизация не отменила восточный деспотизм, а дополнила его рациональными западными метода-

²⁰ Энгельс 1961: 224; Плеханов 1923–1927. IV: 206–207.

²¹ Плеханов 1923–1927. X: 25.

²² Плеханов 1923–1927. VII: 26; XX: 77.

²³ Плеханов 1923–1927. XXI: 35.

²⁴ Плеханов 1923–1927. XX: 57.

²⁵ Плеханов 1923–1927. XX: 243.

²⁶ Плеханов 1923–1927. XX: 193.

²⁷ Плеханов 1923–1927. XX: 121.

ми управления: «государство это отличалось от западных тем, что закрепило себе не только низший, земледельческий, но и высший, служилый класс, а от восточных, на которые оно очень походило с этой стороны, – тем, что вынуждено было наложить гораздо более тяжёлое иго на своё закрепощённое население»²⁸. История России, тем самым, не полностью аналогична истории восточных деспотий, хотя некоторые совпадения могут быть показательными – так, Плеханов не удерживается от сравнения нападения гиксосов на Египет с татаро-монгольским нашествием²⁹, но тут же указывает на то, что Египет был окружён лишь варварскими племенами, и это в целом требовало меньших усилий на самооборону, чем в случае Московского государства, которое должно было оборонять не только восточную границу, но и западную, за которой находились развитые соседи. Эти факторы способствовали усилению русского деспотизма взамен нужды в ирригационных работах.

Впрочем, для читателей имела значение, надо полагать, не сама по себе теоретическая рамка исторического процесса, в которую были вплетены восточные мотивы, а собственно публицистические приёмы, которые автор умело разворачивал благодаря принятой им конструкции. Следует признать, что здесь Плеханов не ограничивается банальными сопоставлениями³⁰, но иногда строит эффектный образный ряд, стремясь показать, что психология крестьянской массы имеет своим источником общественное устройство восточных деспотий. Так, обсуждая творчество писателя Гл. Успенского (1843–1902), Плеханов уцепляется за использованный тем образ «Ивана Ермолаевича», мужика от сохи, ушедшего в солдаты, подавлявшего польский мятеж и с наслаждением пересказывавшего знакомому на богомолье, как они давали залпы по недовольным крестьянам в западных губерниях. «На французском языке, – продолжает Плеханов, – есть интересная книга Мэнана “*Annales des rois d’Assyrie*”. Книга эта представляет перевод подлинных надписей ассирийских царей на различных ниневийских памятниках». Цари нестерпимо хвастаются своими победами, в частности, один из них гордится тем, что перебил уйму бунтовщиков, и тела их плыли по реке подобно брёвнам. Но ведь не лично цари убивали повстанцев, отмечает автор. «Ассирийским Иванам Ермолаевичам давали в руки лук и стрелы, ассирийские Муравьёвы кричали им – “ну-ко!”, и они “усмиряли”, не мудрствуя лукаво, и трупы усмиряемых “плыли по реке, как брёвна”»³¹.

Судя по всему, Плеханов давал это место из Менана по памяти, поскольку наиболее близкий по содержанию отрывок в этой книге относится к походу Ашшуранипала на Элам (собственно, не являвшийся частью Ассирийской державы) и передан в следующих словах (с характерным сомнением переводчика в окончании фразы): «Я убил многих из

²⁸ Плеханов 1923–1927. XX: 88, тж. 118.

²⁹ Плеханов 1923–1927. XX: 87.

³⁰ Вроде «на “мужичке” целые тысячелетия непоколебимо держались восточные деспотии». Плеханов 1923–1927. III: 383; ср. Плеханов 1923–1927. XX: 74.

³¹ Плеханов 1923–1927. X: 30-31.

его солдат; его воины попали живыми в мои руки; их жёны, подобно наконечникам стрел, заполонили окрестности Суз, трупы заполнили реку Улай и плыли как обломки деревьев (?)»³². В книге есть и другой похожий отрывок, но уже из надписи Саргона II: «Воды каналов несли тела мятежников на своих волнах подобно стволам деревьев»³³. Надо думать, два близких текста сложились в памяти автора в общий образ подавления восстаний ассирийскими правителями, а практика сплава деревьев по русским рекам сделала его естественно запоминающимся.

Публицистический подход позволяет Плеханову избежать также противоречия с ассоциацией древности и рабовладения, которую использовал Энгельс. С одной стороны, Плеханов вполне однозначно ассоциирует основной эксплуатируемый класс восточных деспотий с «мужичками», а сами эти государства относит к феодальным³⁴. С другой, неоднократно говорит о рабовладении – но употребляет это понятие не в узком смысле, а приблизительно в том, в котором в дореформенной России «рабами» называли крепостных крестьян³⁵. Если же говорить об общественном строе, то все или почти все «культурные страны Востока» прошли через «фазу феодализма» – как Россия и Западная Европа³⁶, хотя это вовсе не тождественные феодализмы³⁷.

Можно добавить к этому, что, несмотря на некоторое внимание к месопотамским сюжетам, текст Плеханова в аспекте ближневосточной истории предсказуемо египтоцентричен. Почти всякий раз, когда необходимо проиллюстрировать свою мысль отсылкой к Востоку, ему приходят на ум именно египетские образы³⁸. В одном из партийных споров, рисуя для примера некоего абстрактного интеллектуала, который может отказаться от открытого вступления в ряды социал-демократов, он выразился так: «Если какой-нибудь профессор египтологии, на том основании, что он помнит наизусть имена всех фараонов и знает все требования, которые предъявлялись египтянами быку Апису, сочтёт, что вступление в нашу организацию ниже его достоинства, то нам не нужно этого профессора»³⁹. Как часто бывает с пафосными заявлениями, оно дезавуирует само себя: из-за показного презрения к «профессору египтологии» выглядывает подавляемая мечта оказаться на его месте.

³² Menant 1874: 260. В поздних переводах вообще отсутствует сравнение с брёвнами. См. Piepkorn 1933: 69.

³³ Menant 1874: 188.

³⁴ Плеханов 1923–1927. XX: 11.

³⁵ Плеханов 1923–1927. XXI: 61; XXII: 301.

³⁶ Плеханов 1923–1927. XX: 11.

³⁷ Плеханов 1923–1927. XXIII: 183. Важное отличие заключалось в том, что в восточных деспотиях «держателям земли, несмотря на их усилия, не удалось обратить лёны в свою наследственную собственность». Плеханов 1923–1927. XX: 79. См. также Плеханов 1923–1927. XII: 344: о круговой поруке и земельных переделах как неотъемлемой основе «самого варварского деспотизма».

³⁸ Показательный пример – воображаемое путешествие ожившей мумии египетского писца в Московию. Плеханов 1923–1927. XX: 79. Ср.: Плеханов 1923–1927. XX: 259.

³⁹ Плеханов 1923–1927. XII: 426–427.

В царстве отражений: Н.А. Рожков

Восточная история оказалась частью иллюстративного материала, включённого Рожковым в его главное произведение «Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики)»⁴⁰. Как и Плеханов, Рожков стремился раскрыть историю России в контексте мирового процесса, а для реализации поставленной цели выбрал путь сравнительной характеристики обществ на каждом из основных выделенных им исторических этапов (первобытное общество – феодальная революция – феодализм и его падение – дворянская революция – старый порядок (господство дворянства) – буржуазно-демократическая революция – производственный капитализм – финансовый капитализм), при этом наиболее подробный обзор русских событий он дополнял более сжатым материалом других стран. Очевидно, что при таком сопоставительном расположении материала залогом успеха были ориентация автора на поиск совпадающих характеристик и тенденция к игнорированию различий. Это легко можно было характеризовать как главный недостаток подхода автора, что он прекрасно сознавал: «“Это схематично”, “это чересчур схематично” – вот критические замечания, какие пишущему эти строки приходилось не раз слышать и читать по поводу своих исторических работ. В устах критиков эти замечания звучали порицанием, но мне они казались бессознательной похвалой»⁴¹. В качестве компенсации потенциальному упрощению историк полагал важным учитывать историческое развитие психологии общественных классов⁴².

История древних стран фигурирует только в части указанной цепочки преемственных форм, завершаясь эпохой «старого порядка». Если говорить о Ближнем Востоке, то автором были использованы примеры из истории египтян, Месопотамии (шумеры, вавилоняне, ассирийцы), Крита, Израиля, Финикии (и отдельно Карфагена), доисламской Аравии, хеттов и Персии. Основная цель автора – показать, что в древних обществах проходили те же процессы, которые он определил ранее в России и Западной Европе: «В общем номы – те же марки древних германцев, кланы кельтов, задруги и верви славян»⁴³. Показателен порядок сопоставлений, при котором переворачивается хронология: не верви славян оказываются подобны египетским номам догосударственного периода, а ровно наоборот. Это не случайность, а постоянно повторяемый приём: формирование государства (феодального) в Египте, происходит «в стиле Карла Великого, Владимира Святого, Альфреда Великого и т.п.»⁴⁴, ряд

⁴⁰ Наиболее значимые обзорные работы о Рожкове последних лет: Волобуев 2012; González 2017.

⁴¹ Рожков 1925–1928. I: 21.

⁴² «Психология общества есть всегда в сущности психология его отдельных классов». Рожков 1925–1928. I: 13.

⁴³ Рожков 1925–1928. I: 121.

⁴⁴ Рожков 1925–1928. I: 406. Характеристики управления Персидской империей также маркируются как «живо напоминающие историю Карла Великого». Рожков 1925–1928. I: 420.

черт в экономике «сближают древний Карфаген с Флоренцией»⁴⁵, Хатшепсут как «руководительница феодальной реакции» подобна Василию Шуйскому или «некоторым из последних Валуа», а египетская «реформация» особенно близка английской⁴⁶. Главы по древности размещаются *после* разделов о Руси и Западной Европе.

В каждой фазе развития идентичны основные характеристики общественного и политического устройства, духовной жизни и той самой психологии. У всех народов в ранней фазе развития Рожков находит «хаотический конкретизм психологии»⁴⁷, всюду отмечает анимистический и фетишистский характер ранних религий. Всюду доминирует феодализм, переходящий в ряде случаев в старый порядок, а основывается ли он на крепостничестве или рабовладении – в сущности, не принципиально⁴⁸. Рабовладение при Хаммурапи трактуется историком как фактически переродившееся в крепостничество, так как у рабов была собственность, а долговое рабство ограничивалось тремя годами⁴⁹.

Отчасти это сравнение более древнего с более поздним как образцовым объясняется состоянием исходных данных: Рожков не только подчёркивал недостаточность сведений о древневосточных обществах, но, видимо, искренне исходил из этого тезиса; во всяком случае, освещение европейских обществ проводится им с большим количеством тех самых деталей и подробностей, которых обычно лишены разделы по древнему миру. Но здесь легко переставить причину и следствие: не находя в литературе достаточных сведений, подтверждающих его аналогии, автор начинает апеллировать к скудости данных.

Расцвет феодализма у Рожкова непременно связывается с тем, что «в искусстве не было сделано особых успехов»⁵⁰, поскольку он считал его временем господства психологического типа активного эгоиста, который «не имеет развитого эстетического вкуса, потому что вся его эмоциональная жизнь отличается большой бедностью, крайним убожеством содержания»⁵¹. Например, искусство Лагаша времён Гудеа не впечатляет историка потому, что при тонкой обработке голов скульпторы не справлялись с пропорциями⁵². При этом Рожков ограничился фактически цитированием одной фразы из учебника Тураева (у которого, однако, не было таких оценок⁵³), хотя ему была знакома и более пространная характеристика Э. Мейера, к которой, в свою очередь, восходит и тураевский рассказ. Именно Мейер формулировал эстетическое противоре-

⁴⁵ Рожков 1925–1928. II: 405.

⁴⁶ Рожков 1925–1928. VI: 201.

⁴⁷ Рожков 1925–1928. I: 123, 125, 126.

⁴⁸ Рожков 1925–1928. VII: 268, 282.

⁴⁹ Рожков 1925–1928. VI: 207. Конечно, существующее в Законах Хаммурапи различие долгового и постоянного рабства было замечено и в современной Рожкову литературе, так что в данном случае он отбирает те оценки, которые были удобны ему.

⁵⁰ Рожков 1925–1928. II: 269.

⁵¹ Рожков 1925–1928. II: 264.

⁵² Рожков 1925–1928. II: 269.

⁵³ Тураев 1913: 94.

чие между тонкой обработкой голов и нарушенными пропорциями, из-за чего статуя Гудеа представлялась ему подобной изображению «карлика-переростка». Тем не менее, немецкий историк оценивал этот период как вершину шумерского искусства⁵⁴.

Но если определения, даваемые стадиям развития искусства, могут считаться делом впечатления, то и в вопросах экономики Рожков спешит делать большие умозаключения на основе скромных данных: введение Дарием I золотой монеты даёт ему возможность утверждать, что «Персидская империя была первой попыткой устройства мировой почти монархии на основе товарного хозяйства, торгового капитала»⁵⁵, а анализ данных об имуществе храма Амона-Ра при XX династии служит основанием для утверждения о том, что храмовая экономика работала не только на внутренний, но и на международный рынок⁵⁶.

В целом, корректно излагая отдельные факты из работ специалистов по периоду, Рожков более или менее сознательно манипулирует с их трактовкой: либо добавляет, как очевидное то, чему свидетельств не найдено, либо игнорирует часть оценок профессионалов, сосредоточиваясь на том, что подтверждает его изначальную схему.

Жрец науки о жрецах прошлого: А.А. Богданов

По степени оригинальности мировоззрения Богданов может считаться лидером среди всех обозначенных нами марксистов – его теория, развивавшаяся от эмпириомонизма к тектологии, являясь материалистической, не во всём равна марксизму (во второй половине 1920-х гг. учёный стал скрывать это обстоятельство)⁵⁷. Поскольку теория эта общенаучная, степень использования в ней конкретных исторических данных оказалась заведомо ниже, чем у Плеханова и Рожкова. Тем не менее, взгляды Богданова на отдельные эпохи и культуры выражены более или менее определённо; известную роль в этом сыграло то, что он был одним из авторов учебника по политэкономии (популярный в раннем СССР жанр); нередко его соавтором выступал И.И. Скворцов-Степанов.

Неизбежный социологизм таких работ авторы старались смягчить как отсылкой к тому, что выделяемые ими типы обществ являются лишь научными абстракциями, не имевшими чистых форм в реальной истории, так и вариативностью путей их развития. На выходе из первобытного состояния переходной формой им виделись патриархальные общины, при трансформации которых появляются феодальные отношения⁵⁸. Из них, в свою очередь, могут выйти различные формы менового хозяйства: рабовладельческая, крепостническая, ремесленная и торгово-капи-

⁵⁴ Meyer 1909: 490.

⁵⁵ Рожков 1925–1928. I: 419.

⁵⁶ Рожков 1925–1928. VII: 238.

⁵⁷ Литература по Богданову огромна, уместно указать лишь некоторые обобщающие работы: Jensen 1978; Локтионов 2018.

⁵⁸ Ввиду невозможности датировать их определённо, Богданов пояснял, что «феодальные отношения складывались на Востоке и в классическом мире за много столетий до Р.Х., а в Западной Европе приблизительно с V века до IX...». Богданов 1923: 47.

талистическая⁵⁹. Эти формы соотносятся также со стадиями человеческого мышления (конкретно, понимания человеком причинной связи): начальной стадии недифференцированной родовой группы (мировоззрение фактически отсутствует); второй стадии авторитарной общины – «сначала патриархального, потом феодального типа; всё более глубокое разделение труда исполнительного и организаторского» (зарождение религиозного мировоззрения); третьей стадии менового, индивидуалистического общества (отвлечённые философские системы) и четвёртой стадии «нового трудового коллектива», при которой формируется социалистическое общество⁶⁰. Древний мир знал первую и вторую стадии (вторая начинается с создания централизованных государств на Востоке и оформления полисного строя в Греции), поэтому в его мировоззрении преобладало консервативное приспособление к реальности.

Основная характеристика восточных обществ оказывается у Богданова вполне тривиальной – это «бессмысленно-тупой восточный деспотизм»⁶¹, причём это его главное и интеллектуальное, и эмоциональное представление о древнем Востоке. Такое политическое устройство столь же узнаваемо связывается с долинами великих рек. Отличие восточных обществ от античных заключается в том, что они возникли раньше и, по сути, были простейшим типом рабовладельческих систем. Причины заключались в том, что «потрясаемое мелкими внутренними войнами»⁶² феодальное общество не могло выполнять функции систематической ирригации и достойно защищаться от внешнего вторжения. В итоге складывается предельно авторитарная форма общества.

Деспотическое государство формируется через отвержение ряда прежних принципов: усиливается эксплуатация крестьянства (в т.ч. через ростовщичество⁶³) и отменяется наследственность чиновников, пропасть отделяет обожествлённого восточного деспота от «последнего из рабов его государства»⁶⁴. Нарастающий контроль за прежними общинами делает власть государства над человеком неограниченной: «действие государственного механизма деспотии окончательно уравнивает человека с продуктами его труда, а в этом и состоит сущность рабства»; появляется тенденция к объединению всей массы рабочих сил в рамках гигантского государственного ойкаса – Египет «в известной фазе своей истории успел подойти близко к этому пределу»⁶⁵, некоторая независимость остаётся только у жрецов. Меновым такое хозяйство является не потому, что оно преодолевает свою натуральную основу, а потому что почти каждый член общества является потенциальным товаром⁶⁶.

⁵⁹ Богданов; Скворцов-Степанов 2011: 186.

⁶⁰ Богданов 2010а: 227.

⁶¹ Богданов 1990: 33.

⁶² Богданов; Скворцов-Степанов 2011: 187.

⁶³ Богданов; Скворцов-Степанов 2011: 169. Ср. Богданов 1923: 71–72.

⁶⁴ Богданов 2010b: 45–46.

⁶⁵ Богданов; Скворцов-Степанов 2011: 191.

⁶⁶ Богданов; Скворцов-Степанов 2011: 192.

Но рабовладение, как самый грубый механизм действия менового общества, неизбежно возникающий в случае «натурально-хозяйственного базиса»⁶⁷, оказывается в итоге наименее жизнеспособным⁶⁸, причём его самые предельные формы являют собой именно восточные рабовладельческие деспотии. Объяснение кризиса рабовладения лежит в принципе в русле марксистского понимания (восходящего к логике А. Валлона), но дано со специфической богдановской акцентуацией на социально-организационных аспектах: первоначально рабовладельцы были важны для функционирования всей системы труда, поскольку реально управляли трудом рабов; при дальнейшем росте числа рабов, эту функцию стала исполнять отдельная прослойка (рабы-распорядители, управляющие поместьями), а рабовладельцы, отрываясь от организационной деятельности, превращались в социальных паразитов, предаваясь безделью и разврату (в этом аспекте характеристика разложения высших классов в древнем мире вполне стандартна⁶⁹), выжимая из экономики последние соки на роскошную жизнь. С другой стороны, низшие классы оказывались настолько истощены сверхэксплуатацией, что у них не оставалось сил для сопротивления – более того, рабы фактически не оформились как класс⁷⁰ и не обрели идеологию для сопротивления, которое проявлялось поэтому только в пассивных формах⁷¹. Подробно рассказывая о причинах гибели рабовладельческих обществ на примере Римской империи (впрочем, тоже на минимуме фактического материала), Богданов замечает при этом, что судьба народов Востока «оказалась чуть ли не хуже судьбы классического мира»⁷², но нигде не развивает эту мысль⁷³.

Наибольшей силы рассуждения Богданова достигают там, где он рассказывает об эволюции мировоззрения общественных классов в связи с историческим развитием. «В долинах Евфрата, Нила, Янцзы-Кианга жрецы халдейские, египетские, китайские, стремясь к точному разделению времени и к точному знанию направлений в пространстве, сознательно *приводили в порядок* переданные от предков астрономические сведения, *систематически проверяли и дополняли* их новыми наблюдениями, *оформляли их* с помощью постепенно выработанных способов измерения и исчисления, *закрепляли* посредством записей»⁷⁴. Нужно помнить о том почтении, которое учёный питал к процессу получения

⁶⁷ Богданов 1906: 117.

⁶⁸ Богданов 1989. I: 233: «консервативно сформированные организмы устойчивы только в консервативной среде».

⁶⁹ Богданов 1989. II: 116.

⁷⁰ Богданов 1906: 95–96.

⁷¹ Богданов 1906: 110.

⁷² Богданов 1906: 117.

⁷³ Вероятно, под худшей участью Богданов подразумевал то, что восточные культуры находились в длительном состоянии упадка, не погибая окончательно, и это не давало возможности восточным народам перейти к новым общественным формам. Об упадке «восточных культур» см. Богданов 1990: 446; о переходе от деспотизма к капитализму «мировой цивилизации»: Богданов; Скворцов-Степанов 2011: 193.

⁷⁴ Богданов 1990: 360. Курсив автора.

знания в принципе, чтобы понять, насколько такого рода описания были внутренне позитивны с его стороны, ведь жрецов он прямо называл «тогдашними интеллигентами»⁷⁵. Причем сама по себе религиозная оболочка для знаний не вызывает у Богданова неприятия или порыва к боготорчеству – он достаточно спокойно квалифицирует её как исторически обусловленную форму⁷⁶. Проблема знания и его носителей на этапах и авторитарной общины, и индивидуалистического общества состоит в том, что оно целиком встроено в авторитарную систему мировосприятия, носит статический характер⁷⁷ и поэтому перестаёт эволюционировать: консервативное знание оберегается узким кругом его носителей, навязывается остальным как набор неизменных истин и в итоге не может служить более сложным задачам. «История знает примеры, когда целая культура становилась неспособной к развитию благодаря тому, что вырабатывала идеологию, исключаящую социальный прогресс. Так было с рабовладельческой культурой древнего мира...»⁷⁸. Именно эти соображения лежали в основе выступлений Богданова против тех последователей Маркса, которые относятся к его учению как к авторитарному, раз и навсегда данному и непоколебимому в своих основах⁷⁹.

Восточное прошлое и предвестия будущего

Несмотря на определённые расхождения, взгляды русских марксистов на древнюю историю вообще и Ближнего Востока в частности несли и черты существенного сходства. Оно не может быть сведено лишь к отдельным внешним совпадениям, хотя они вполне значимы, так как указывают на общие источники вдохновения, знакомство с трудами друг друга, элементы полемики. Так, Рожков и Богданов считали, что на Востоке в ранний период, как и повсюду, власть воплощалась во фракциях светских и духовных феодалов⁸⁰, они оба считали нужным выделять историю городов-государств в качестве отдельного подтипа общественного развития. Рожков рекомендовал Богданову и Скворцову-Степанову убрать из учебника характеристику рабовладельческого этапа – ведь тот отсутствовал в его представлениях об исторических эпохах⁸¹. В «Красной звезде» Богданова родина главного героя характеризуется как азиатское государство, которое «пользуется европейскими способами сообщения и средствами истребления, чтобы подавлять и искоренять всё, что есть у вас живого и прогрессивного»⁸², – чисто пле-

⁷⁵ Богданов 1990: 363. Более того, в религиозном мышлении «далёкого прошлого» Богданов видит зачатки собственной науки – «народную тектологию». Богданов 1989. II: 195.

⁷⁶ Религиозность доменной эпохи даже характеризует как «могучую, боевую». Богданов 2010b: 84, прим. 1. Ср. Богданов; Скворцов-Степанов 2011: 58 (курсив автора): «Исторически религия зарождается из *культы предков-организаторов*».

⁷⁷ Богданов 2010b: 144.

⁷⁸ Богданов 1906: 65.

⁷⁹ Богданов 2010b: 116–117.

⁸⁰ Богданов 1989. II: 119.

⁸¹ Богданов; Скворцов-Степанов 2011: XXX.

⁸² Богданов 2014: 28.

хановская мысль⁸³. Так или иначе, это была определённая интеллектуальная среда, в которой могли обращаться разные трактовки. Объединяло их, очевидно, стремление к материалистическому пониманию сути социальных процессов, желание показать, что общее видение истории применимо ко всем историческим сообществам и всюду работает одинаково. Склонность к простоте была скорее побочным следствием этой изначальной задачи и смягчалась теми моментами, которые были затем отвергнуты советским марксизмом: отсутствовала строгая привязка форм развития к хронологии, признавалось преобладание смешанных форм и допускалось наличие разных подтипов у сходных сообществ.

Может показаться, что всё вышеизложенное не имеет особого значения в контексте последующей традиции – все эти рассуждения могут быть положены в копилку позабытых идей отечественной мысли, не востребованных советским поколением и ещё менее актуальных сейчас⁸⁴. Но, во-первых, это не совсем так: советские авторы 1930-х гг. были недавними читателями именно разобранных выше сочинений. Одним из таких авторов, внимательно читавших учебники, был Сталин. Нельзя говорить о бесспорном влиянии именно учебника Богданова и Скворцова-Степанова на такие замечания в «Истории ВКП (б)» как наличие у древнего рабовладения двух источников (военнопленных и закабаляемых собственных подданных⁸⁵), но и отмахиваться от этой версии также не стоит. Наконец, и сама мысль о том, что рабство есть не юридическое состояние, а социально-экономическая характеристика, как и сведение социального статуса человека к функции его труда – это фактический прототип идеи В.В. Струве о рабстве в экономическом смысле слова.

Во-вторых, есть и более важный вопрос: насколько развитие советской науки (в частности, востоковедения) было подготовлено этим предшествующим этапом? Проистекали ли особенности советского видения древневосточной истории из русской марксистской мысли или строились на её отвержении? Хотелось бы высказать некоторые соображения.

У всех рассмотренных авторов «идеально-типическим» воплощением древней истории была античность, а восточная история (несмотря на признание исключительной древности египетской и месопотамской культур) оказывалась локальным вариантом. Это, в частности, говорит о том, что преодоление европоцентризма, которое попыталась реализовать ранняя советская историография в конце 1920-х – начале 1930-х гг., совершенно не было подготовлено марксистской историософией. По-

⁸³ Естественно, это не отменяет принципиальных расхождений между Плехановым и Богдановым, но линия раскола проходила совсем не по древней истории. См. Sadovsky, Kelle 1996: VII–IX.

⁸⁴ О том, что Плеханов предвосхитил ряд идей К.А. Витфогеля: Baron 1995: 18 f.; Sawyer 1997: 115 f. См. также мнение Дж. Гонзалеса о причинах отторжения Рожкова в советской историографии: González 2013: 112–115.

⁸⁵ Богданов; Скворцов-Степанов 2011: 189; Богданов 1923: 71; История ВКП (б) 1938: 119.

этому описание особенностей восточных обществ, по сравнению с античными, имело очень немного возможностей быть основанным на каких-либо оригинальных идеях и проигрывало тенденции к обобщённой характеристике древней истории.

Следует обратить внимание и на другой момент: становление советской науки было во многом построено на отвержении учебных пособий и исторических трудов 1920-х гг. как слишком схематичных, при этом продукция 1930-х гг. сама в итоге оказалась подчинена более ригидной, к тому же единственной схеме исторического процесса, которая идеально сочеталась с сугубой фактологией. Косвенную роль в этом торжестве сталинской модели историописания сыграло то, что работы таких авторов, как Плеханов, Рожков, Богданов, несмотря на очевидное упрощение в них исторических сведений, могли быть адекватно поняты и прочитаны только таким читателем, который имел базис дореволюционного гимназического образования – и это ему они могли казаться простыми и схематичными. Советский читатель, обладавший куда более скромным запасом знаний, должен был совершенно теряться в потоке хронологически неупорядоченных примеров, который лился на него параллельно с всеохватывающей исторической теорией, причём именно такое сочетание дезориентировало в наибольшей мере. На материале ближневосточной истории, с её обилием нерасхожих сюжетов и малоизвестных персонажей, это должно было быть особенно заметно. Таким образом, рождение советского востоковедения было в том числе реакцией на кризис русского марксистского историописания.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Богданов А. Краткий курс экономической науки. М.–Пг.: Государственное издательство, 1923. 264 с. [Bogdanov A. Kratkij kurs jekonomicheskoj nauki Moscow – Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. 264 p.]
- Богданов А. Праздник бессмертия. Избранные произведения. СПб.: Издат. группа «Лениздат», «Команда А», 2014. 384 с. [Bogdanov A. Prazdnik bessmertija. Izbrannye proizvedenija. Saint Petersburg: Izdatel'skaja gruppa «Lenizdat», «Komanda A», 2014. 384 p.]
- Богданов А. Эмпириомонизм. Книга III. СПб.: Электротпечатня товарищества «Дело», 1906. 160 с. [Bogdanov A. 1906: Empiriomonizm. Book III. Saint Petersburg: Jelektropechatnja tovarishhestva «Delo», 1906. 160 p.]
- Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 479 с. [Bogdanov A.A. Voprosy socializma. Raboty raznyh let. Moscow: Politizdat, 1990. 479 p.]
- Богданов А.А. Падение великого фетишизма. Современный кризис идеологии. М.: КРА-САНД, 2010 (b). 224 с. [Bogdanov A. Padenie velikogo fetishizma. Sovremennyj krizis ideologii. Moscow: KRASAND, 2010 (b). 224 p.]
- Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Экономика, 1989. Кн. I. 304 с.; Кн. II. 351 с. [Bogdanov A.A. Tektologija. Vseobshhaja organizacionnaja nauka. I–II. Moscow: Jekonomika, 1989. Vol. I. 304 p.; Vol. 2. 351 p.]
- Богданов А.А. Философия живого опыта. Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. Популярные очерки. М.: КРА-САНД, 2010 (a). 272 с. [Bogdanov A. Filosofija zhivogo opyta. Materializm, jempiriokriticizm, dialekticheskij materializm, jempiriomonizm, nauka budushhego. Populjarnye ocherki. Moscow: KRASAND, 2010 (a). 272 p.]
- Богданов А.А., Скворцов-Степанов И.И. Курс политической экономии докапиталистической эпохи. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 378 с. [Bogdanov, A.A.; Skvortsov-

- Stepanov, I.I.: Kurs politicheskoy jekonomii dokapitalisticheskoy jepohi. Moscow: Knizhnyj dom «Librokom», 2011. 378 p.]
- Волобуев О.В. Н.А. Рожков: историк и общественный деятель. М.: Собрание, 2012. 320 с. [Volobuev O.V. N.A. Rozhkov: istorik i obshhestvennyj dejatel'. M.: Sobranie, 2012. 320 p.]
- Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. 480 с. [Hegel, G.W. Fr. Lektsii po filosofii istorii. Saint Petersburg: Nauka, 2000. 480 p.]
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. 352 с. [Istoriia Vsesoiuznoi Kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Kratkii kurs. Moscow: Izdatel'stvo SK VKP(b) «Pravda», 1938. 352 p.]
- Ладынин И.А. Понятие «древний Восток» в отечественной историографии XX в. // ВДИ. 2019. Т. 79. № 3. С. 772–796 [Ladynin I.A. Ponjatie «drevnij Vostok» v otechestvennoj istoriografii XX v. // Vestnik drevney istorii. 2019 (a). Vol. 79. No 3. P. 772–796].
- Локтионов М.В. Александр Богданов между марксизмом и позитивизмом. М.: ИФ РАН, 2018. 135 с. [Loktionov M.V. 2018: Aleksandr Bogdanov mezhdru marksizmom i pozitivizmom. Moscow: IF RAN, 2018. 135 p.]
- Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Айрис-пресс, 2013. 320 с. [Metchnikoff L.I. 2013: Civilizacija i velikie istoricheskie reki. M.: Ajris-press, 2013. 320 p.]
- Плеханов Г.В. Сочинения. Тт. I–XXIV. Москва–Петроград/Ленинград, 1923–1927 [Plekhanov G.V. Sochinenija. Vol. I–XXIV. Moscow – Petrograd/Leningrad 1923–1927].
- Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Тт. I–XII. Л.–М., 1925–1928 [Rozhkov N.A.: Russkaja istorija v sravnitel'no-istoricheskom osveshhenii (Osnovy social'noj dinamiki) Vol. I–XII. L.; M., 1925–1928].
- Тураев Б.А. История древнего Востока. Ч. I. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1913. 414 с. [Turaev B.A. Istoriya drevnego Vostoka. Part I. SPb.: Tip. V. Bezobrazova i K°, 1913. 414 p.]
- Тютюкин С.В. Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с. [Tjutjukin S.V. G.V. Plehanov. Sud'ba russkogo marksista. M.: ROSSPjEN, 1997. 376 p.]
- Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издание политической литературы, 1961. Т. 19. С. 185–230 [Engels F. Razvitie socializma ot utopii k nauke // Marx K., Engels F. Sochinenija. Moscow: Gosudarstvennoe izdanie politicheskoy literatury, 1961. Vol. 19. P. 185–230].
- Baron S.H. Plekhanov in Russian History and Soviet Historiography. Pittsburgh; London: University of Pittsburgh Press, 1995. 298 p.
- González J. An Intellectual Biography of N.A. Rozhkov (1868–1927): Life in a Bell Jar. Leiden: Brill, 2017. 380 p.
- González J. From Historicism to Historical Sociology: An Examination of Nikolai Aleksandrovič Rozhkov's Nomothetic Scheme of Historical Evolution // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2013. Vol. 6. P. 90–115.
- Jensen K.M. Beyond Marx and Mach. Aleksandr Bogdanov's Philosophy of Living Experience. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1978. IX+189 p.
- McDonald P.D. Artefacts of Writing. Ideas of the State and Communities of Letters from Matthew Arnold to Xu Bing. Oxford: Oxford University Press, 2017. 328 p.
- Ménant M.J. Annales des rois d'Assyrie. Traduites et mises en ordre sur le texte Assyrien. Paris: Maisonneuve et CIE, Éditeurs, 1874. 312 p.
- Meyer E. Geschichte des Altertums. Erster Band. Zweite Hälfte. Die Alttesten Geschichtlichen Völker und Kulturen bis zum Sechzehnten Jahrhundert. Stuttgart–Berlin: J.G. Gotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1909. 894 s.
- Piepkorn A.K. Historical Prism Inscriptions of Ashurbanipal. Vol. I. Edition E, B 1–5, D, and K. Chicago: The University of Chicago Press, 1933. 109 p.
- Sadovsky V.N.; Kelle V.V. Foreword // Bogdanov's Tektology. Book 1. Hull: Centre for System Studies Press, 1996. P. III–XXIX.
- Sawer M. Marxism and the Question of the Asiatic Mode of Production. Hague: Martinus Nijhoff, 1977. 252 p.
- Verderame L., Garcia-Ventura A. Preliminary Considerations // Receptions of the Ancient Near East in Popular Culture and Beyond / Eds. L. Verderame, A. Garcia-Ventura. Atlanta: Lockwood Press, 2020. P. 1–9.

Крих Сергей Борисович, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; krikh@rambler.ru

The Russian Marxists and the Ancient Near East

Marxism in pre-revolutionary Russia is one of the forgotten pages for prehistory of the Soviet historical narrative. Soviet historians speaking large about Lenin (either Marx and Engels) as a predecessor of the Soviet scholarship, but mostly ignored such authors like Georgii Plekhanov, Nikolai Rozhkov and Alexander Bogdanov. All named Russian Marxist has similar background in their historical education and in their handing of facts. All of them also used simplification as a technique to show how the same principles of materialistic analysis worked on the examples many of ancient societies of the East. This general simplification was partly smoothed out by both the recognition of the variability of the historical development of ancient societies and the mutual competition of different versions of their development. But this combination was lost during the genesis of Soviet historical scholarship in the early 1930s.

Keywords: Russian Marxism, history of the ancient Near East, early Soviet historiography

Sergey Krikh, Dr. Sc. (History), Professor, Department of World History, Omsk State University named after Dostoevsky; krikh@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория

<i>Н.Н. Губанов, Н.И. Губанов</i> История научных идей сквозь призму истории идей философских.....	5
<i>О.В. Головашина</i> Социальные рамки исторической ответственности в поисках рациональных оснований исторических оценок.....	20

Интеллектуальная история сегодня

<i>С.А. Воронцов</i> Цветы и монеты: некоторые образы авторитета текста в произведениях Исидора Севильского.....	31
<i>М.С. Петрова</i> Дунгал и Макробий: к вопросу о восприятии античных текстов средневековыми авторами..	41
<i>Л.Р. Ильясова</i> Романы о «новых людях» рубежа 1860–1870-х гг. в восприятии русского общества.....	56
<i>И.В. Воронцова</i> Трактат А.В. Карташева «Реформа, реформация и исполнение Церкви».....	70
<i>С.Б. Крих</i> Русские марксисты о ближневосточной древности.....	85
<i>Н.Ю. Николаев</i> «Разочарованный пацифист»: проблематика войны и мира в публицистике П.Н. Милюкова в начале XX века.....	102
<u><i>В.П. Сапон</i></u> Разочарование в «русском американце»: пресса США 1917–1918 гг.....	118
о политической деятельности П.Н. Милюкова <i>А.Ю. Суслов</i> Памяти Владимира Петровича Сапона (1969–2020).....	127

Споры о терминах

<i>В.П. Орлов, Э.В. Рунг</i> Термин «аристократия» и его применение для обозначения знати в Ахеменидской империи.....	132
<i>Д.В. Сухино-Хоменко</i> «Англо-саксонская схизма»: терминологическая дискуссия в англоязычном медиа-пространстве и вызовы сообщества медиевистов.....	145

История и память

<i>Л.К. Новосельцева</i> Осмысление национального опыта взаимодействия с венгерскими политическими элитами в сербской либеральной публицистике (1861–1872).....	160
<i>М.Ю. Ломоносов</i> На путях от внутриэтнической полифонии к этно-национальной «симфонии» Косовский миф и сербские историки 1980–1990-х гг.....	177

Культурные практики, образы, репрезентации

<i>Т.М. Демичева</i> Язык империи и образ «благородного дикаря» во французских очерках о кругосветных путешествиях второй половины XVIII века.....	193
<i>В.С. Дударев</i> Германия в жизни российских писателей и поэтов первой половины XIX века.....	206
<i>Р.А. Кондрашук</i> Образ Римской империи в американской прессе конца XIX века.....	222
<i>А.А. Авдашкин, И.В. Сибиряков</i> «Навеки вместе»: дружба СССР и КНР в оптике советской провинциальной печати.....	235

<i>Е.Н. Лысенко</i>	
Осмысление национального прошлого в музыкальной культуре Западного Берлина 1980-х гг.	251
<i>С.Г. Дюкин</i>	
Рок-н-ролльный дискурс как зеркало Перестройки	265
<i>Пространства власти и власть пространства</i>	
<i>О.И. Тогоева</i>	
Визуальные эффекты средневекового правосудия.	276
<i>М.С. Неклюдова</i>	
«Удар Жарнака»: память места и борьба исторических интерпретаций.	287
<i>Е.В. Новоселова</i>	
Мертвое тело как объект чувственного восприятия в пространстве Андской цивилизации.	300
<i>О.В. Окунева</i>	
Маленький остров больших лишений: взгляд на «Антарктическую Францию» в Бразилии как на пространство сенсорной депривации.	314
<i>А.В. Стогова</i>	
Взгляд на власть и город с очками и без: описания Парижа и Лондона в 1698 году.	330
<i>С.А. Васильева</i>	
Религиозные источники идеальной модели тюремного заключения в социально-правовом дискурсе конца XVIII – начала XIX века.	347
<i>С.Е. Сидорова</i>	
Мускульная сила и вода: слуги и технологии охлаждения в колониальной Индии.	358
<i>История через личность</i>	
<i>К.Д. Скрипник</i>	
Сигнифика леди Виктории Уэлби: портрет в интерьере времени.	375
<i>Е.Н. Крылова</i>	
Судьба чиновника: издательская деятельность А.И. Мирецкого.	387
<i>Исторические очерки</i>	
<i>А.В. Володько</i>	
Вклад императрицы Марии Александровны в развитие женского образования в России: открытые всесословные гимназии.	399
<i>А.В. Громова</i>	
Великая княгиня Елизавета Федоровна: покровительство музыкальному образованию.	409
<i>Д.М. Нечипорук</i>	
«Мы были чужеземцами, но не посторонними» стратегии политической адаптации меньшевиков в Германии в 1920-е гг.	421
<i>Переводы и публикации</i>	
Исидор Севильский. Этимологии, или начала. Книга V. О законах и временах (перевод А.А. Павлова).	433
<i>А.А. Яковлев</i>	
Фрагменты моральной теологии в записных книжках Джона Локка.	444
<i>Читая книги...</i>	
<i>Ю.С. Шипицына</i>	
Империя и власть знания: современные подходы к изучению ботаники в XVIII в.	452
<i>М.А. Князев</i>	
От истории детства к гендерной истории: новый взгляд на жизнь семьи последнего русского императора.	456
CONTENTS.	460